

На правах рукописи

Лукин Павел Владимирович

**ВЕЧЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук**

Москва – 2014

Работа выполнена в Центре по истории Древней Руси Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук

**Официальные
оппоненты:**

Флоря Борис Николаевич

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Отделом истории средних веков Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт славяноведения Российской академии наук

Чернов Сергей Заремович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории г. Москвы Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт археологии Российской академии наук

Гиппиус Алексей Алексеевич

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор Факультета филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

**Ведущая
организация:**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Защита состоится « 16 » апреля 2015 г. в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.018.01, созданного на базе Института российской истории Российской академии наук по адресу: *117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.*

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИРИ РАН по адресу: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19 и на сайте ИРИ РАН: <http://www.iriran.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 002.018.01
кандидат исторических наук

И.А. Устинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Социально-политический строй средневекового Новгорода является классической темой отечественной историографии. Центральное место при его изучении занимает проблема веча. Значимость её очевидна. Вече традиционно рассматривается как главный орган Новгородской республики, политический институт, в котором наиболее ярко проявилась её социальная сущность. Поэтому от решения вопросов об истории веча в течение нескольких столетий новгородской независимости, о его социальной природе, о его функциях, взаимоотношениях с другими политическими институтами, политической культуре, в рамках которой оно действовало, зависит и решение наиболее фундаментальных проблем, связанных с историей новгородской государственности.

Несмотря на это, в истории новгородского веча остаётся немало спорных вопросов. История новгородского веча и, шире, всех форм коллективной социально-политической деятельности новгородцев принадлежит к числу самых сложных и спорных проблем отечественной медиевистики. Историография очень велика, велик и разброс мнений, от практически полного отрицания какого-либо реального участия в политической жизни слоёв, не имевших прямого отношения к знати, до представлений о народовластии в древней Руси, близком к античной полисной демократии. Существуют в историографии, однако, и, может быть, даже ещё более глубокие противоречия – в подходе к тем, в основном нарративным источникам, на базе которых традиционно изучается социально-политическая история средневекового Новгорода: от буквального истолкования летописных известий о вече при игнорировании литературного характера повествовательных источников до тотального недоверия к ним. В настоящее время проблема древнерусского веча вообще и новгородского в частности с самых разных позиций активно обсуждается не только в российской, но и в зарубежной историографии.

Важнейшей причиной противоречий в историографии, иногда даже диаметрально противоположных, является, конечно, недостаток данных, которые может предоставить исследователю небогатая база собственно русских источников по истории новгородского веча.

Однако не меньшую роль играют и субъективные факторы, прежде всего, нечёткость в постановке проблемы и зависимость исследователя от априорных идеологических схем. Речь идёт о том, что очень часто отрывочные и туманные сведения источников истолковывались, так сказать, не из самих себя, а подчинялись определенной внеисточниковой концепции

Всё это делает чрезвычайно актуальной задачу нового обращения к проблеме – на основе привлечения малоизученных источников, использования наиболее адекватных методов исследования и неангажированного подхода к теме.

Объектом исследования является новгородское вече и его место в социально-политической системе средневекового Новгорода. **Предмет исследования** – древнее слово «вѣче» и его значение; зарождение новгородского веча и его эволюция; соотношение веча с другими политическими институтами; сущность, социальный состав и функции веча; особенности политической культуры, в рамках которой действовало вече.

Хронологические рамки диссертации определяются тематикой работы и самим предметом исследования. Нижний хронологический рубеж – IX в. – связан с самыми ранними упоминаниями коллективной социально-политической деятельности новгородских словен. Специально отмечаются такие важные этапы истории веча, как его первое прямое упоминание (1015 г.), и события, которые традиционно связываются с началом новгородской «вольности» (30-е гг. XII в.). Верхний хронологический рубеж – падение новгородской самостоятельности в 1478 г. В ряде случаев, по мере необходимости, используются как более ранние данные (например, сведения о значении слова «вѣче» в ранних славянских памятниках), так и более поздние (например – в рамках сравнительного анализа – свидетельства о псковском вече). **Территориальные рамки** исследования

очевидны – это город Новгород (позднее Великий Новгород) и Новгородская земля. В рамках сравнительно-исторического подхода широко используются материалы по другим русским землям и другим странам и регионам Центральной, Северной и Восточной Европы.

Цель исследования – на основе привлечения неизученных или малоизвестных источников, а также широкого использования сравнительно-исторического метода охарактеризовать социально-политическую сущность новгородского веча на всех этапах его истории. При этом рассматриваются лишь недостаточно изученные и спорные вопросы, остальные – только затрагиваются в связи с главными сюжетами. Однако эти вопросы имеют столь принципиальное, глобальное для понимания проблемы в целом значение, что в результате может быть получена достаточно убедительная картина явления в целом. Такая постановка вопроса предопределяет **задачи исследования**:

- 1) характеристика истории изучения новгородского веча и определение причин остроты дискуссий в историографии относительно ряда существенных аспектов проблемы, а также неизученности других важных её аспектов или противоречивых представлений о них;
- 2) определение возможностей и границ терминологического подхода в изучении древнерусского веча вообще и новгородского в частности;
- 3) выяснение степени преемственности новгородского веча от гипотетических «племенных» собраний и связанный с этим анализ проблемы происхождения веча и его ранней истории;
- 4) выявление политико-правовой сущности новгородского веча, степени его «институционализации» на разных этапах его истории, соотношения веча с так называемым «Советом господ»;
- 5) определение социального состава веча на разных этапах его истории;
- 6) выявление представлений и круга идей, на которых основывалось вече (принципы принятия решений, разрешения конфликтов, определения компетенции собраний и т.д.);
- 7) характеристика наименее изученных и наиболее спорных функций новгородского веча, прежде всего, проблемы так называемого вечевого суда и места веча в новгородской военной организации.

Степень изученности темы

Впервые на вече, в том числе новгородское, было обращено внимание ещё историографией XVIII в., развивавшейся в парадигме идеологии и философии Просвещения (В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов и др.). Тогда же были сформулированы некоторые важные концепции, имеющие прямое отношение к теме, в частности, идея о республиканском строе Новгорода. В целом, однако, ни тогда, ни в первой половине XIX в. вече большого интереса у историков не вызывало, чему способствовала монархическая идеология многих из них. Это характерно, например, для Н.М. Карамзина. Очень неопределённо писал о вече и С.М. Соловьёв.

Ситуация серьёзным образом меняется только в 60–70-е гг. XIX в., когда в новой обстановке, под влиянием реформ Александра II, а также по мере знакомства с новейшими достижениями европейской историографии и накопления научных данных у учёных появляется интерес к истории самоуправления на Руси. Этапным в этом смысле было появление в 1867 г. монографии В.И. Сергеевича «Вече и князь», в которой наиболее чётко были сформулированы основные положения земско-вечевой теории, почти безраздельно господствовавшей в русской историографии вплоть до начала XX в. В рамках этой теории вече рассматривалось как высший орган власти древнерусской волости, включавший в себя всё свободное полноправное население. Волость, в свою очередь, сопоставлялась с античной гражданской общиной.

В ряде работ, написанных в этом ключе (В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.А. Дьяконов и др.) был собран и проанализирован значительный и очень ценный материал, что не утратило своего значения вплоть до наших дней. Особенно важны работы А.И. Никитского, специально посвящённые Новгороду. В то же время многие вопросы оставались нерешёнными, в частности, такие фундаментальные, как политико-правовая сущность веча или его социальный состав. Связано это было как с объективными факторами (недостаток данных), так и с субъективными: конкретные данные зачастую не могли

быть адекватно объяснены в рамках земско-вечевой теории, а иногда ей прямо противоречили.

В дореволюционную эпоху хотя и намечались попытки отхода от земско-вечевой теории (Н.П. Павлов-Сильванский, А.Е. Пресняков), проблемы веча они практически не затрагивали. Своеобразную позицию занял В.О. Ключевский: по его мнению, вече было чисто городским органом власти (что было связано с его общей концепцией древнерусского общества как общества торгового и городского).

В советское время серьёзное изучение социально-политической истории средневековой Руси разворачивается в 1930–50-е гг. в рамках марксистской теории в её советском варианте. Русь и Новгородская республика рассматриваются как феодальные государства, и вече приходилось рассматривать в этом контексте. Опираясь на те же источники – преимущественно летописи – что и историки XIX – начала XX вв., большинство исследователей этого периода (Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин) приходили к выводу о том, что древнерусские города развивались по общему со средневековыми города Западной Европы пути. Вече поэтому рассматривалось как коммунальный орган власти. Сопоставление древнерусских городов с западноевропейскими часто оказывалось плодотворным, но разительные отличия, существовавшие между ними, в частности, касавшиеся роли веча, убедительных объяснений не получали.

Высказывались и иные точки зрения. Так, С.В. Юшков полагал, что в вече участвовали только феодальные группы (т.е. князья, бояре, дружинники), и оно полностью находилось под контролем знати. Позднее, в 1960–70-е гг. эта точка зрения получила развитие в работах В.Т. Пашуто, П.П. Толочко, М.Б. Свердлова, а применительно к Новгороду – В.Л. Янина, чьи труды заложили основу современных представлений об истории Новгорода. По мнению В.Л. Янина, в новгородском вече принимали участие только несколько сот бояр. Несмотря на свою стройность и логичность, «феодальная» концепция новгородского веча сталкивалась с весьма существенными проблемами, главной из которых было то, что она не могла объяс-

нить упоминания в источниках существенно более широкого состава вечевых собраний.

Диаметрально противоположные подходы характерны для работ И.Я. Фроянова и его учеников (начиная с 1980-х гг.). Эти авторы в определённой степени возвращаются к земско-вечевой теории, но используют также некоторые марксистские, неославянофильские и другие концепции. Вече рассматривается как высший демократический орган власти древнерусской волости, а сам древнерусский социум как основанный на «общинности» противопоставляется современному ему западноевропейским средневековым обществам. В этом же контексте рассматривается и средневековый Новгород.

В последнее время появились работы скептического характера, авторы которых (Т.Л. Вилкул, Ю. Гранберг, Э. Кинан) либо отрицают институциональный характер веча, рассматривая его как аморфную толпу, либо вообще сомневаются в возможности изучения веча на основе имеющихся в их распоряжении источников.

Сказанное выше со всей убедительностью показывает необходимость нового обращения к данной теме, на основе комплексного анализа источников (в том числе мало- и неизученных) и широкого использования современных исследовательских методов.

Источники исследования

Традиционно основным источником для изучения новгородского веча были нарративные источники, прежде всего, летописи. Летописные данные, безусловно, очень важны, дают связное изложение событий, отличаются красочностью. В то же время летописи – памятники литературные, полные штампов, зачастую насыщенные идеологически «нагруженной» информацией. Степень достоверности летописных данных не всегда может быть оценена высоко. Поэтому в основу исследования (особенно это касается разделов, посвящённых XIV–XV вв.) кладутся не летописи, а данные документальных источников. Среди них принципиальное значение имеют ганзейские документы, опубликованные в ряде сборников и серийных изданий (Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, Hansisches

Urkundenbuch, Hanserecesse, Russisch-livländische Urkunden). Новгородско-ганзейские документы на средненижненемецком и отчасти на латинском языках вызывали интерес главным образом у специалистов по истории торговых связей. Между тем в них содержится ценнейшая, уникальная информация о внутриполитическом устройстве Новгорода, которой уделялось до сих пор очень мало внимания. Довольно активно её использовал в XIX в. А.И. Никитский¹, но он имел возможность ознакомиться только с частью документов. В советское время ряд очень важных статей на эту тему, в том числе о новгородском вече в первой четверти XV в. по данным ганзейских документов, написал И.Э. Клейненберг². Были и некоторые другие учёные, которые эпизодически привлекали отдельные ганзейские документы. Остальные исследователи Новгорода, в том числе самые авторитетные, либо вообще их игнорировали, либо пользовались информацией о них из вторых рук, что приводило, как правило, к ошибкам и неверным интерпретациям.

В ходе исследования на основании по возможности тщательного изучения ганзейских источников удалось выявить более трёх десятков документов, содержащих ценную информацию о социально-политическом строе Новгорода и в том числе о вече. Практически ни один из этих документов не имел корректного перевода на русский язык, а подавляющее большинство не было переведено вовсе, поэтому в научный оборот в отечественной историографии они были введены очень слабо или не были введены вовсе. Если же историки ссылались на них, то в большинстве случаев использовали либо устаревшие, некачественные переводы, либо черпали сведения из вторых рук. Следствием этого были ошибки и неточности, и даже сформировавшиеся на их основе историографические мифы.

---

¹ См.: *Никитский А.* Очерки из жизни Великого Новгорода // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLV; 1870. Ч. CXLX.

² *Клейненберг И.Э.* Известия о новгородском вече первой четверти XV века в ганзейских источниках // История СССР. 1978. № 6; *Клейненберг И.Э., Севастьянова А.А.* Уличане на страже своей территории (по материалам ганзейской переписки XV в.) // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). Л., 1984. № 2 (12); *Клейненберг И.Э.* «Частные войны» отдельных новгородских купцов с Ганзой и Ливонией в XV в. // НИС. Л., 1989. № 3 (13).

Ганзейские купцы, разумеется, не претендовали, составляя свои отчёты, на создание идеологических или литературных текстов. В отличие от многих летописных рассказов, составившихся через много лет после тех событий, о которых в них идёт речь, послания ганзейских купцов и другие ганзейские документы писались «по горячим следам». Поэтому их данные отличаются достоверностью. Ценные сведения о политическом строе Новгорода содержатся в иностранных нарративных источниках, среди которых есть как хорошо известные в отечественной историографии (скандинавские саги, записки Жильбера де Ланнуа и др.), так и привлекавшиеся крайне редко (Хроника Рихенталя, История Лаоника Халкокондила).

Важное значение имеют и русские документальные источники, прежде всего грамоты Великого Новгорода, в которых упоминается вече, а также новгородские писцовые и лавочные книги, которые хотя и не содержат сведений о вече, но дают ценную информацию о социальном строе Новгорода.

Для раннего периода новгородской истории сохраняют своё исключительное значение летописи. Важнейшим принципом данного исследования в отношении использования повествовательных источников является привлечение наиболее ранних и достоверных текстов. Для разных периодов новгородской истории они зачастую разные, но особое значение имеют, разумеется, памятники новгородского летописания: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов и летописи новгородско-софийской группы (Новгородская IV, Софийская I, Новгородская Карамзинская, Летопись Авраамки, Новгородская V). Из летописей, возникших в других регионах, следует выделить Лаврентьевскую летопись и родственные, Ипатьевскую летопись и родственные, Псковские летописи, Рогожский летописец, Московский летописный свод конца XV в., Устюжский летописный свод.

Прямые, а чаще косвенные данные о новгородском вече и социально-политической активности новгородцев содержатся в некоторых литературных и агиографических текстах. Для реконструкции правовой системы средневекового Новгорода и места в ней веча используются правовые памятники: Правда Русская, Новгородская судная грамота, Новгородская скра (устав немецкого купеческого двора в Новгороде) и др.

В ряде случаев используются берестяные грамоты и эпиграфические источники, в которых хотя и нет упоминаний веча, но может быть обнаружена ценная информация о новгородском социально-политическом строе. Учитываются также материалы археологических исследований в Новгороде.

Изучение значения древнего слова «вѣче» базируется на древнерусских и переводных с греческого языка текстах, причём используются как славянские переводы, так и греческие оригиналы.

Особое место в исследовании занимают широкий круг иностранных источников (нарративных, документальных, правовых), которые привлекаются в рамках сравнительно-исторического подхода. Здесь следует выделить агиографические сочинения, посвящённые миссионерской деятельности епископа Оттона Бамбергского в Западном Поморье в 20-х гг. XII в., в которых содержится уникальная информация о «народных собраниях» в западнопоморских городах, политический строй которых во многих аспектах был близок к политическому строю раннего Новгорода.

Методологическая основа и методы исследования

Методологической основой исследования являются принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма предусматривает: опору на наиболее достоверные источники, их всесторонний и комплексный анализ, изучение рассматриваемых явлений с учётом исторической динамики и в контексте представлений, свойственных их современникам. Принцип научной объективности предусматривает непредвзятость исследователя, отказ от априорных подходов и идеологической ангажированности, максимально полный анализ всей информа-

ции источников вне зависимости от её соответствия или несоответствия той или иной научной концепции.

Главная методическая проблема медиевистических исследований – оценка источников с точки зрения их достоверности. Основным методическим принципом в данном исследовании является опора по возможности на наиболее достоверные данные. С целью их выявления используется ряд исследовательских методов, часть из которых была специально адаптирована автором применительно к данной теме. Применяемые вместе, они предоставляют возможность взаимной и многосторонней проверки выносимых на защиту положений.

Это обеспечивается, в частности, использованием текстологического анализа и сравнительно-исторического метода. Основные принципы текстологического анализа русских летописей были разработаны в конце XIX – начале XX вв. А.А. Шахматовым³ и с тех пор были развиты, дополнены и усовершенствованы многими отечественными учёными. Для данной работы особенно важны текстологические наблюдения А.Н. Насонова, Я.С. Лурье, В.А. Кучкина⁴. В последнее время новые существенные результаты были получены А.А. Гиппиусом на базе использования лингвистических критериев при изучении текстологии русского и особенно новгородского летописания (лингвотекстологический метод исследования древнерусских источников)⁵. В ряде случаев автор диссертации предлагает собственные текстологические наблюдения и кладёт их в основу аргументации. Источниковедческая обоснован-

---

³ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938 и др.

⁴ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994; *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 13–174; *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974; *Кучкин В.А.* «Съ тоя же Каялы Святоплкъ...» // *Russia Medievalis*. 1995. Т. 8. Р. 1 и др.

⁵ См.: *Гиппиус А.А.* История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. Автореферат ... д.ф.н. М., 2006.

ность абсолютно всех выводов является важнейшим методическим принципом данного диссертационного исследования.

Использование сравнительно-исторического метода позволяет по-новому осмыслить новгородское вече в более широком контексте. При этом его применение не означает встречающегося в историографии хаотического иллюстративного использования разнородных материалов, относящихся к разным эпохам и странам, а сопоставление обществ, развивавшихся в схожих природно-климатических, хозяйственных и социо-культурных условиях. Теоретической основой такого сопоставления являются сравнительно-исторические методики, применявшиеся как зарубежными, так и отечественными учёными: работы представителей «венской школы», в первую очередь, Р. Венкуса и В. Поля⁶); новаторский синтез К. Модзелевского, предложившего рассматривать восточнославянское общество в контексте «варварской Европы» (т.е. той части Европы, которая в раннее Средневековье развивалась вне непосредственного контакта с античной традицией⁷); теория хозяйственно-культурных типов (М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров⁸); «синхростадиальный» подход (В.Т. Пашуто⁹), «системно-структурный метод» (М.Б. Свердлов¹⁰), практика параллельного изучения западно- и восточнославянских обществ (Б.Н. Флоря¹¹).

Для установления степени достоверности ранних летописных известий, сохранившихся в памятниках, возникших суще-

---

⁶ См.: *Wenskus R. Probleme der germanisch-deutschen Verfassungs- und Sozialgeschichte im Lichte der Ethnosoziologie // Historische Forschungen für Walter Schlesinger. Köln, 1974; Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln-Wien, 1977* и многочисленные сборники, изданные в 1990–2010-е гг. в Вене под редакцией В. Поля.

⁷ *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.*

⁸ *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4.*

⁹ *Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. Сб. ст. 1973 г. М., 1974.*

¹⁰ *Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.*

¹¹ См.: *Флоря Б.Н. «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991 и др.*

ственно позднее описываемых в них событий, используется ретроспективный метод. Он предусматривает проверку ранних данных с помощью более поздних, но содержащихся в достоверных документальных источниках. При исследовании так называемой децимальной системы древней Руси этот метод был эффективно применён В.А. Кучкиным¹².

Предпринятый в диссертационном исследовании анализ новгородского веча как постепенно формировавшегося политического института, выражавшего волю новгородского политического коллектива, базируется на целом ряде научных концепций. Среди них нужно выделить теорию политической культуры¹³; классическую «конституционную историю» (*Verfassungsgeschichte*), в частности, в её неонституциональной «редакции»¹⁴; концепцию города Макса Вебера¹⁵.

Существенно для предпринятого исследования использование понятий полноправного «народа» или «политического народа», используемых в зарубежной историографии для характеристики категорий населения, которые могли принимать участие в политической жизни в немонархических государствах или автономных городах Средневековья и Раннего Нового времени¹⁶. В условиях нечёткости и аморфности древнерусской политической терминологии применение этих понятий позво-

---

¹² См., например: *Кучкин В.А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.*

¹³ См.: *Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton (N.J.), 1963.*

¹⁴ В рамках неонституционального подхода объектом изучения становятся не абстрактные учреждения, а «“правила игры” в обществе... созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»; они «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия» (*Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17*).

¹⁵ См.: *Вебер М. История хозяйства. Город / пер. с нем. под ред. И. Гревса. М., 2001 [1921].*

¹⁶ См.: *Russocki S. Protoparliamentaryzm Czech do początku XV wieku. Warszawa, 1973 (Dissertationes Universitatis Warsoviensis. 71). S. 12; Black A. Guilds and Civil Society in European Political Thought from the Twelfth Century to the Present. London, 1984. P. 47; Black A. Communal Democracy and its History // *Black A. Church, State and Community: Historical and Comparative Perspectives. Aldershot, 2003. Ch. XIV. P. 7.**

ляет разграничить новгородцев, имевших право участвовать в вече, и новгородцев вообще – как население Новгородской земли вне зависимости от его статуса.

Постоянное внимание в диссертации уделяется тем представлениям, традициям и ритуалам, в рамках которых функционировало вече, что обусловлено учётом открытий, сделанных в русле «новой исторической науки» (исторической антропологии). Автором ставших уже классическими работ по истории средневековых ритуалов и их политическому значению является современный немецкий историк Г. Альтхофф¹⁷.

Новгородское вече было ареной социальных противоречий. Анализ последних немыслим без учёта наблюдений, сделанных в рамках марксистской традиции.

Значительную роль в исследовании играет терминологический подход. Рассмотрение «вечевой» терминологии подразумевает чёткое отделение характеристик, привнесённых историографией, от реального их содержания с анализом последнего на разных исторических этапах.

«Перекрытое» применение этих методик при постоянном учёте их преимуществ и ограничений позволяет во многих случаях приходиться к новым выводам.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном изучении проблемы новгородского вече на основании широкого круга источников и применения разнообразного спектра научных методов.

Впервые в историографии важнейшую роль в исследовании новгородского вече играют данные документальных источников и сравнительно-исторические материалы. Многие ганзейские документы на латинском и средненижненемецком языках, сведения которых имеют принципиальное значение для характеристики новгородского вече, впервые вводятся в научный оборот, а другие только теперь получают корректную историко-лингвистическую интерпретацию и корректный перевод на русский язык. Все используемые в диссертации сравнитель-

---

¹⁷ См., например: *Althoff G. Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter. Darmstadt, 1990.*

но-исторические материалы самостоятельно переведены автором на русский язык, а самые важные из них для данной темы (фрагменты житий Оттона Бамбергского) переводятся на русский язык впервые. Все летописные известия о вече получают источниковедческую интерпретацию; в ряде случаев автор предпринимает самостоятельные текстологические разыскания и уточняет господствующие в научной литературе представления. Никогда ранее историография проблемы – как отечественная, так и зарубежная – не рассматривалась и не оценивалась во всей её полноте.

Всё это позволяет дать ответ на вопросы, которые до сих пор либо оставались остро дискуссионными в историографии, либо фактически не были поставлены и должным образом осмыслены. Речь идёт о таких проблемах, как значение слова «вѣче»; преемственность новгородского веча и словенских «племенных» собраний и происхождение веча; социальный состав новгородского веча на разных этапах его истории; политико-правовая характеристика веча (было ли вече политическим институтом, и если было, то когда таковым стало); соотношение веча и так называемого «совета господ» и вопрос о существовании последнего; способ (или способы) созыва веча; способ (или способы) принятия решений на вече и традиции, на которых этот способ основывался; соотношение веча и новгородской военной организации (в связи с проблемой так называемого народного ополчения).

На основании исследования этих сюжетов по-новому ставится и решается вопрос о характере политического строя средневекового Новгорода.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности использования её материалов для создания общих и специальных лекционных курсов и написания научно-популярных работ по истории средневековой Руси, для сравнительно-исторических исследований европейских средневековых республик. Чрезвычайно важная и актуальная проблема демократических традиций в истории России может теперь рассматриваться специалистами разного профиля (политологами, социологами и т.д.) на совершенно ином уровне. Предло-

женные в диссертации исследовательские методики могут применяться при изучении других политических институтов средневековой Руси.

Апробация результатов исследования

Диссертация была обсуждена в Центре по истории Древней Руси Института российской истории РАН и была рекомендована к защите. По теме диссертации опубликованы монография объемом 38 а.л. (издание одобрено Учёным советом ИРИ РАН и поддержано РГНФ), раздел в коллективной монографии объемом 9,2 а.л. (издание одобрено Учёным советом ИРИ РАН и поддержано РГНФ) и 44 научных публикации общим объемом 60,66 а.л. (из них 23 – в изданиях, включённых в Перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ). Результаты исследования были представлены в более чем 60 докладах и сообщениях на целом ряде научных конференций (в том числе международных), научных семинарах и круглых столах в России и за рубежом, на заседании секции Ученого совета ИРИ РАН по отечественной истории до XX века, на заседаниях Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.

Основные положения диссертационного исследования, которые выносятся на защиту, состоят в следующем:

1) слово «вѣче» в рамках древнерусского узуса в подавляющем большинстве случаев имело вполне ясное значение – политическое собрание горожан; в этом смысле древнерусское словоупотребление довольно сильно отличается от того, какие значения имеет «вѣче» в ранних славянских текстах, исключительно редко там появляющееся по сравнению с русскими летописями; возможности чисто терминологического подхода при изучении новгородского веча крайне ограничены, а учитывать надо не только прямые упоминания веча, но и упоминания косвенные;

2) новгородское вече не происходит непосредственно от собраний восточнославянской общности словен; между новгородским вечем и «племенными» собраниями отсутствовала институциональная преемственность при сохранении определённых архаических политико-правовых традиций;

3) новгородское вече на всех этапах своей истории было собранием свободных горожан как представителей новгородского «политического народа», в который входили члены территориальных (кончанских) организаций; теории как о более узком (чисто боярском), так и о более широком (общеволостном) социальном составе веча опровергаются в результате комплексного анализа всего круга источников; эпизодически фиксируются упоминания городских собраний в Новгороде, однако такие собрания, насколько можно судить, ещё в значительной степени контролировались князьями; уже в этот период определяется главная социальная черта новгородского веча – участие в нём почти исключительно горожан;

5) в XII–XIII вв., особенно после событий 1130-х гг., вече становится важнейшей площадкой, ареной для реализации политической воли новгородских горожан; в этот период определяется состав веча – вечниками являются свободные полноправные горожане мужского пола, входившие в кончанские и уличанские организации, разного социального статуса, при лидирующей роли знати – бояр; к XIII в. вече приобретает черты высшего политического органа Новгорода;

6) в XIV–XV вв. вече являлось политическим институтом Новгородской республики и собранием её «политического народа»; вечники тем не менее составляют незначительное меньшинство по сравнению со всем населением Новгородской земли; в системе новгородских органов власти вече занимало самое высокое место, формально его статус был выше, чем у другого новгородского коллегиального органа власти – «господ»; в то же время вече находилось в сложной системе взаимоотношений с другими политическими институтами, и в конкретной ситуации его наивысшие полномочия могли оказаться формальными, а важнейшие решения – быть принятыми в обход него;

7) на всём протяжении истории новгородского веча в его деятельности сохранялись архаические традиции: отсутствие сколько-нибудь чёткой сферы компетенции веча и определения его функций; отсутствие чёткого регламента, понятий о кворуме и периодичности собраний; способ принятия решений на основе «одиначества»; метод разрешения противоречий на вече – не через мирный политический процесс, а через конфликты и/или расправы;

8) так называемого вечевого суда как такового никогда не существовало, имело место вечевое правосудие как одна из важнейших функций новгородского собрания; вечевое правосудие в Новгороде заключалось в праве вечников вершить расправу над преступниками или теми, кто противодействовал вечевой воле, в рамках архаической

процедуры потока и разграбления; архаическое вечевое правосудие имело тенденцию к постепенному превращению в «нормальный» суд новгородских магистратов;

9) наряду с вечем формой реализации политической самостоятельности новгородцев было их участие в городском полку, который по своему составу фактически совпадал с вечем; распространённая в литературе концепция «народного ополчения», однако, не находит подтверждения в источниках: рядовое население Новгородской земли не выступало в роли ополченцев, а принудительно мобилизовывалось новгородским политическим коллективом во главе с боярами;

Структура диссертации определяется логикой исследования, его целями и задачами и основывается как на хронологическом, так и на тематическом принципах. Работа состоит из введения, семи глав, заключения, двух приложений, списка использованных источников и литературы и списка принятых сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** ставится научная проблема диссертационного исследования, раскрывается актуальность исследования, обозначаются его объект и предмет, обосновываются его цели и задачи, хронологические рамки, степень научной разработанности, характеризуются методологические принципы, научная новизна и практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I «Историография и источники» посвящена подробной характеристике истории изучения новгородского веча в отечественной и зарубежной историографии XVIII–XXI вв. и источниковой базы исследования, а также методических принципов исследования.

В **главе II «Терминологические аспекты проблемы»** рассматривается два взаимосвязанных вопроса: возможности и границы терминологического подхода в изучении веча и значение старославянского и древнерусского слова «вѣче».

В **параграфе 1** ставится и решается вопрос о том, можно ли при изучении веча ограничиться только теми свидетельствами

источников, в которых упоминается слово «вѣче» или, во всяком случае, класть именно такие упоминания в основу исследования. Историки предпринимали попытки разграничить на основании летописных текстов разные типы коллегиальных институтов. Больше всего этим занимался В.Т. Пашуто. Он считал, что в древней Руси существовали различные коллегиальные политические институты, разного состава и полномочий, названия которых можно обнаружить в источниках¹⁸. Одним из таких институтов, по его мнению, было вече. Обращение к источникам показывает, что «вѣче» таким постоянным, «эксклюзивным» наименованием не было. Даже в одном летописном известии одно и то же явление может характеризоваться и как «вѣче», и как «совет», и с помощью выражений типа «новгородци реша...», «начаша гадати...» и т.д. Нет оснований поэтому ограничиваться только прямыми упоминаниями.

Значение самого древнего слова «вѣче» рассматривается в **параграфе 2**. При сопоставлении древнейших упоминаний слова «вѣче» в переводных с греческого языка раннеславянских памятниках с оригинальными греческими текстами («Слово» Иоанна Златоуста на Великий Четверг, «Хроника» Иоанна Малалы, Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, «Хроника» Георгия Амартола и др.) выясняется, что в ранних славянских и древнерусских переводных памятниках слово «вѣче» передаёт разные греческие понятия. Выделяются две традиции: в рамках первой термины «вече» и «вечники» ассоциируются с мятежом и мятежниками и имеют явно негативный оттенок; переводчики используют их, когда хотят охарактеризовать какие-то нелегитимные формы коллективных общественных проявлений. Чёткого социального содержания они не имеют и не могут быть отнесены к какому-либо определённом «институту». Вторая группа упоминаний имеет отношение к неким политическим собраниям легитимного характера.

В целом выявленные значения понятий «вѣче» и «вечники» в ранних славянских переводных памятниках только отчасти могут быть сопоставлены со значениями, известными по лето-

---

¹⁸ Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 14, 19.

писным данным, а в ряде случаев не имеют с ними ничего общего (не говоря уже о крайней редкости употребления данных понятий в переводных текстах). Тем самым становится ясно, что древнерусское понятие «вѣче» и производные от него не могут быть литературными заимствованиями или повествовательными штампами и использовались летописцами для характеристики реальных явлений, характерных для социально-политической жизни древнерусского общества. В рамках древнерусского словоупотребления слово «вѣче» не было многозначным (полисемантическим), а имело достаточно определённое значение. Под вечем летописцы подразумевали политическое собрание горожан разного социального статуса (т.е. не только княжеско-дружинной элиты) и в разных обстоятельствах (преимущественно экстремальных), и только его. Все без исключения упоминания веча либо соответствуют этому значению, либо ему не противоречат. В этом смысле древнерусское словоупотребление довольно сильно отличается от того, какие значения имеет «вѣче» в ранних славянских текстах.

Какое значение, однако, имело слово «горожанинъ» («гражанинъ», «гражданинъ») в древнерусских источниках? Об этом идёт речь в **параграфе 3**. В историографии высказывалось мнение о том, что в летописных известиях о вече слово «горожанин» могло означать не жителя города, а гражданина, т.е. лицо, принадлежавшее к полноправному населению соответствующей древнерусской земли (вне зависимости от места проживания). Анализ распределения значений слова «горожанинъ» (и его вариантов) в древнерусских текстах, как оригинальных, так и переводных (в последнем случае – с сопоставлением с греческими оригиналами) показывает, что у слова «горожанинъ»/«граждане» не было одного, строго определённого значения. С другой стороны, характер текстов, где встречается это слово, и контекст упоминаний позволяют в большинстве случаев его установить. Принципиальным фактором, определявшим различие значения, является не *форма* лексемы – древнерусская или церковнославянская – а *характер текста*, в котором она употребляется: оригинальный или переводной с греческого.

«Полисная», «гражданская» терминология не встречается практически в оригинальных древнерусских текстах и, следовательно, оставалась чуждой живому древнерусскому языку. Не подтверждаются на лингвистическом материале представления о неотделённости городского и сельского населения на Руси. В живом древнерусском языке отсутствовали понятия, соответствующие греческим понятиям *πόλις* и *πολίται*. Понятие «горожанинъ» в значении «житель города, значительного населённого пункта, как правило, укреплённого», несомненно, в свою очередь, бытовало в живом древнерусском языке. На практике это означает, что если в древнерусском оригинальном тексте встречается слово «горожанинъ/гражанинъ», то в огромном большинстве случаев оно будет характеризовать именно жителя города как такового.

Терминологические наблюдения позволяют заключить, что *отсутствие* в источнике слова «вѣче» при описании коллективной политической активности не свидетельствует о том, что народное собрание в данном случае *не* подразумевается, но вот его *наличие* является своеобразным маркёром, почти наверняка позволяющим предполагать *политическое собрание горожан*. Наличие довольно чёткого значения, между прочим, и способствовало, по-видимому, тому, что впоследствии, как это показывают документальные источники XIV–XV вв., слово «вѣче» уже определённо приобрело черты термина, характеризующего сложившийся политический институт.

Глава III «Ранние известия о новгородском вече» является первой из трёх «хронологических» глав. В ней подробно анализируются все ранние упоминания о новгородском вече и о социально-политической активности новгородцев в целом.

В **параграфе 1** рассматривается «предыстория» новгородского вече – вопрос о «племенных» собраниях новгородских словен. Прямых сведений об этих собраниях у нас практически нет, однако сопоставления с другими восточнославянскими «племенами» (древлянами, вятичами), а также с социально-политическим устройством близких в хозяйственно-культурном отношении западославянских и германских общностей (чехи, саксы) показывает, что сомневаться в том, что и у новго-

родских словен также были свои собрания, нет. Ясно только, что в них не могла участвовать вся общность, разбросанная на огромном пространстве Северо-Запада Руси. Руководить такими собраниями должна была местная знать, которая вряд ли могла сохраниться в период славянского Расселения¹⁹. Из каких бы конкретно элементов ни состояла новгородская элита раннего времени, она представляла собой в принципиальном плане *новое явление* по отношению ко всем этим элементам.

В **параграфе 2** анализируются данные начального летописания и свидетельство скандинавской саги об Олаве Трюггвассоне о политической активности новгородцев в X в. Устанавливается, что, хотя во второй половине X в. новгородцы могли в каких-то случаях проявлять социально-политическую инициативу (в частности, просить себе князя), в принципе Новгород оставался под властью князей, и согласия местных жителей на назначение лиц, им управляющих, как правило, не требовалось.

Параграф 3 посвящён подробному рассмотрению первого прямого упоминания новгородского веча в статьях «Повести временных лет» (ПВЛ) под 1015 г. и Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ мл.) под 1016 г. – в рассказе о конфликте князя Ярослава Владимировича с новгородцами (так называемое восстание 1015 г.). Осуществляется последовательный и подробный сопоставительный анализ этих повествований с целью выявления степени их достоверности. Выявляется целый ряд достаточно определённых критериев, которые убедительно показывает, что более ранний и достоверный текст, восходящий, вероятно, к летописи, предшествовавшей «Начальному своду» 1090-х гг., сохранился в НПЛ мл. Основные же элементы версии ПВЛ появились при составлении в Киеве «Начального свода» в конце XI в. Из этого факта вытекают следствия, важные не только в источниковедческом, но и в собственно историческом смысле. Именно в статье НПЛ мл. сохранилось первое достоверное упоминание веча в Новгороде.

---

¹⁹ См.: Горский А.А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011. С. 173–174.

Статья ПВЛ написана киевским книжником через сто лет после описываемых событий и отражает его представления о новгородских событиях начала XI в. или даже просто является продуктом не вполне удачного редактирования.

В древнейшем летописном рассказе новгородское вече предстаёт собранием, созванным в экстраординарной ситуации; ничто не указывает на то, что это постоянно действующий орган власти или хотя бы регулярно созываемое собрание. Вече созывает князь, причём собирается оно не там, где обычно собиралось в позднейшее время – на Ярославовом дворе или у Софийского собора – а вне города, на «поле». Участвуют в нём, однако, горожане. Среди этих горожан могли быть люди разного социального статуса, от рядовых новгородцев до приближённых князя (часто встречающиеся в литературе интерпретации, согласно которым в вече участвовали только представители элиты, основываются на вторичном тексте ПВЛ и должны быть отвергнуты), но сельских жителей среди них не было. Уже в этом, самом раннем, сообщении новгородское вече оказывается феноменом чисто городским, что отличает его от собраний «племенной» эпохи.

В политико-правовом отношении вече является собранием полноправных новгородских горожан, созванным по инициативе князя, на котором между ним и новгородцами ведутся переговоры об их участии в походе на Киев. Это свидетельствует об определённой политической самостоятельности новгородцев: князь не может просто приказать им подчиниться. С другой стороны, в начале XI в. ни республиканских институтов или должностных лиц, ни даже намёков на них в Новгороде не обнаруживается. Складывается лишь коллектив горожан во главе со знатью, среди которой видное место занимают князья-Рюриковичи, либо лица, тесно с ними связанные. В кризисных ситуациях, в моменты резкого ослабления княжеской власти горожане демонстрируют политическую самостоятельность, ярким проявлением которой являются собрания. Они служат площадкой для выдвижения требований к князю и/или совместного решения с ним острых вопросов, волнующих новгородцев.

Параграф 4 посвящён упоминаниям собраний новгородцев и их политической активности во второй половине XI – начале XII вв. Особое внимание уделяется рассказу Начального летописания под 1071/72 г. о появлении в Новгороде волхва и последовавшей в результате этого смуте. Он подробно сопоставляется с рассказами авторов житий епископа Оттона Бамбергского о выступлении языческого жреца на народном собрании в западнопоморском Щецине во время миссионерского путешествия епископа в 1128 г. В этих свидетельствах выявляются явные параллели, в том числе в описании веча и щецинского собрания, которые могут быть объяснены только типологическим сходством обоих явлений. И новгородский волхв, и поморские жрецы апеллировали к сохранявшимся у населения языческим пережиткам или живой языческой традиции, а поддержки они искали на городских собраниях. Были, впрочем, и весьма показательные различия. Главное из них – неодинаковый состав участников. В щецинских собраниях участвовали горожане, сельские жители лишь эпизодически, а важнейшую роль в них играла независимая от княжеской власти местная элита, светская и религиозная (языческие жрецы). В Новгороде же даже в самое раннее время в вечевых собраниях участвуют исключительно горожане, а верхушка включала в себя князя и его служилых людей – дружину.

Обращает на себя внимание определённая близость социально-экономических и социально-политических условий, в которых развивались западнопоморские города и Новгород. Это внешняя торговля как важный фактор экономики, относительно ранняя урбанизация на фоне остальных регионов Центральной и Восточной Европы, и, главное, отсутствие сильной княжеской власти. Крупнейшие города славянской Балтики Щецин и Волин, хотя формально и входили в 20-е гг. XII в. в состав Западнопоморского княжества Вартислава, фактически пользовались почти полной самостоятельностью. В Новгороде, как известно, не сложилось своей княжеской династии, а князь постепенно стал играть там роль не монарха, а скорее, республиканского магистрата. Видимо, эти в определённой степени схожие предпосылки привели и к появлению до некоторой сте-

пени схожих политических институтов. Одним из них было общее собрание (вече), существование которого зафиксировано и в западнпоморских городах, и в Новгороде.

Дальнейшая судьба собраний в западнпоморских городах и новгородского веча сложилась, как известно, очень поразному. Об истории Западного Поморья более позднего времени известно очень мало. Во второй половине XII в. в западнпоморских городах по польскому образцу появляются подчинённые князю каштеляны. В это же время общественные отношения в Поморье, особенно городской строй, начинают испытывать серьёзное немецкое воздействие.

В Новгороде же в более позднее время происходит дальнейшее развитие «вечевых» политических традиций, что, в конце концов, привело к образованию на их базе республиканских органов власти. Тем не менее и в позднейшее время новгородское вече обнаруживает некоторые черты, которые могут быть сопоставлены с похожими явлениями, характерными для собраний в западнпоморских и, в отдельных случаях, других западнславянских городах.

Коллективная политическая активность новгородских горожан в форме собраний фиксируется уже в XI в., а некоторые намёки на неё есть даже во второй половине X в., однако ясных свидетельств функционирования в Новгороде периодически собирающегося веча или тем более веча как независимого от княжеской власти политического института до начала XII в. включительно – нет.

В **главе IV «Новгородское вече в XII – середине XIII вв.»** речь идёт об истории веча в период, когда Новгород приобретает самостоятельность и до установления над ним ордынского владычества.

Параграф 1 посвящён исследованию летописных известий о вече этого времени с тщательным разбором суждений, высказывавшихся в историографии.

В XII – середине XIII вв., когда в Новгороде постепенно складывается система управления, которую принято называть республиканской, данных о новгородском вече становится гораздо больше по сравнению с предшествующей эпохой. При

этом они почти исключительно представляют собой летописные известия, что накладывает определённые ограничения на возможности исследования. Особенности источника и степень разработки тех или иных аспектов «вечевой» проблематики в историографии не дают возможности ответить на многие интересные, в принципе, вопросы, а на другие могут дать лишь ответы, заведомо искажённые. Летописцы были заняты «высокой политикой» и, прежде всего, князьями (последним немалое внимание уделяли даже новгородские летописцы, не говоря уже о книжниках в других землях). Вполне естественно, что они рассказывали почти исключительно о тех собраниях, которые решали серьёзные (с точки зрения летописцев) вопросы и которые затрагивали отношения Новгорода с князьями. Это не значит, что информация, которую могут предоставить летописные свидетельства, исчерпана предыдущими поколениями исследователей. Акцент, однако, нужно сделать на *качественном анализе* летописных известий. Во-первых, внимание сосредотачивается на том, как летописцы воспринимали политические собрания новгородцев. Во-вторых, выделяются свидетельства, появляющиеся в летописных рассказах о вече неумышленно, не связанные с их основной направленностью. Часто к такого рода свидетельствам относятся сведения (прямые или косвенные) об участниках вечевых собраний; о том, кто созывал вече, и в чьих руках оно находилось вообще; о способе принятия решений на вече, а точнее (поскольку конкретно этот способ в летописных известиях не описывается) – о представлениях, на которых этот способ основывался. Там, где возможно, привлекается документальный материал, в отдельных случаях позволяющий проверить достоверность летописных известий, а также используется сравнительный метод, причём для сопоставлений привлекаются данные как зарубежные, так и по другим древнерусским землям.

Логическое развитие эти сюжеты получают в **параграфе 2**, в котором в центре внимания оказываются летописные известия о бурных событиях в Новгороде в 50-е гг. XIII в., постоянно привлекавшие внимание исследователей. Они очень важны для изучаемой темы, поскольку в них не только упоминаются соб-

рания горожан, но и появляются характеризующие разные группы их участников понятия. Тем не менее в историографии предлагались самые разноречивые трактовки этих событий, иногда взаимоисключающие. Поэтому при анализе соответствующих летописных известий самое пристальное внимание уделяется, во-первых, установлению фактов или, во всяком случае, адекватной интерпретации летописного текста; во-вторых, подробному разбору мнений, высказывавшихся в историографии.

Параграф 3 посвящён анализу данных «Повести о взятии Константинополя в 1204 г.», читающейся в новгородском летописании и, скорее всего, написанной новгородцем. Это очень перспективный для задач исследований источник, терминология которого, в целом близкая к летописной, может быть сопоставлена с известными по другим источникам – греческим и латинским – константинопольскими реалиями начала XIII в. Он, в частности, предоставляет уникальную возможность сопоставления описания городских собраний в Константинополе, созданного на древнерусском и, более того, по-видимому, на новгородском «политическом языке», с описаниями этих же событий в иноязычных описаниях взятия Константинополя крестоносцами во время IV крестового похода. Тем самым можно попытаться понять, что именно стояло за теми или иными новгородскими понятиями. Выясняется, что автор «Повести», описывавший константинопольское общество в собственных собственной культуре понятиях, понимал под «боярами» представителей знати, находившейся на службе у верховной власти; под «добрыми мужами» – не какую-то особую категорию населения, а тех же «бояр», знать; под «чернью» – не просто низшие слои населения, а непривилегированные группы свободных горожан, жителей Константинополя, принявших в кризисной ситуации активное участие в политической жизни и даже организовавших избрание и помазание своего претендента на императорский престол. Это позволяет прояснить, какие именно категории населения имеются в виду в летописных описаниях новгородского веча.

Итак, в нарративных источниках XII–XIII вв. ясно очерчена коллективная социально-политическая активность новгородцев, проявляющаяся в форме собраний, которые часто называются «вечем», хотя могут именоваться и по-другому. На них обсуждаются и принимаются важнейшие политические решения, они становятся ареной столкновения различных политических и социальных сил. Следов какой-либо их регламентации не видно. Состав участников этих собраний может быть обрисован так: разные слои свободного городского населения, от бояр до рядовых горожан – «чёрных людей», «простой чади», «меньших».

В исключительных случаях на новгородское народное собрание могли приглашаться представители важнейших «пригородов», как это было в 1132 и 1136 гг. И это было крайне редким явлением, упоминания об участии пригорожан в новгородском вече буквально единичны; сельские же жители или зависимые люди в такой роли в летописных описаниях не фигурируют никогда.

Невероятность существования в Новгородской земле единой демократической общности городских и сельских жителей подтверждается и характером сбора дани новгородцами, в котором, возможно, уже в это время участвовали представители всех концов. Таким образом, весь город выступал как своего рода коллективный сюзерен по отношению к волости.

Лидирующая роль в новгородском обществе в целом и на вече, в частности, принадлежала элите – «вячшим», ядро которых составляли бояре. «Вячшие», даже если первоначально терпят поражение на вече, в конце концов находят возможность обеспечить реализацию своих замыслов.

Решения вечники принимали на основе архаического принципа «одиначества» (единодушия, единогласия), предусматривавшего добровольное или, точнее, «добровольно-принудительное» согласие с волей большинства или наиболее могущественной в данный момент группы. От современных демократических норм, предусматривающих легитимизацию разделения социума на большинство и меньшинство при гарантии прав последнего, этот принцип был очень далёк.

С другой стороны, наши источники позволяют обрисовать новгородское вече XII–XIII вв. лишь в самом общем плане, многие вопросы остаются без ответа. Прежде всего, это касается становления веча как политического института и конкретных аспектов его функционирования.

Новгородское вече послемонгольского времени характеризуется в **главе IV «Новгородское вече во второй половине XIII – XV вв.»**. В этой третьей и последней «хронологической» главе характер изложения меняется. В фокусе исследования оказывается ряд спорных и в то же время ключевых вопросов истории новгородского веча в этот период.

Возможность на новом уровне рассмотреть эти спорные вопросы обеспечивает обращение к очень мало исследованным с этой точки зрения источникам. В силу самого характера наших главных «традиционных» источников – летописей, представляющих собой не протокольные описания событий, а литературные памятники – многое неизбежно остаётся неоднозначным и спорным. Летописные данные из-за своей специфики легко поддаются самым разнообразным интерпретациям, вплоть до прямо взаимоисключающих. Поэтому необходимо возможно широкое использование появляющихся со второй половины XIII в. русских документальных источников, в которых упоминается вече (новгородские грамоты), а также поиск источников иных, в которых содержалась бы информация о реальном функционировании политических институтов, в частности, веча. Такими источниками оказываются документы XIII–XV вв., связанные с деятельностью немецких купцов в Новгороде, которые могут предоставить весьма важные сведения о новгородском внутривполитическом устройстве.

Немецкие купцы обращались к новгородским властям в случае конфликтов и торговых споров с новгородцами, судились со своими обидчиками, а о ходе и результатах разбирательств – сообщали в ганзейские города, которые отвечали за новгородское направление торговли. Эти послания в дальнейшем обсуждались на съездах ганзейских городов, а решения протоколировались и записывались. В свою очередь, власти ганзейских городов для решения тех или иных вопросов писа-

ли новгородским властям или немецким купцам, там находившимся. Эти документы, основная часть которых была опубликована ещё в XIX – начале XX вв. в ряде многотомных серий, вызывали интерес главным образом у специалистов по истории торговых связей. Между тем там содержится ценнейшая, уникальная информация о внутривластном устройстве Новгорода, которой уделялось до сих пор очень мало внимания. В этой главе именно такие достоверные источники оказываются в центре внимания, которые при сопоставлении с источниками более известными (летописи, акты, записки иностранцев) дают очень ценный материал для понимания того, чем было новгородское вече.

В **параграфе 1** рассматривается вопрос о том, было ли новгородское вече в этот период политическим институтом или, как полагают некоторые исследователи, «собранным населением», «аморфной толпой», «буйствующей толпой» и т.д. Обращение к источникам показывает, что вече было не названием толпы, а наименованием легитимного органа власти, элемента новгородской политико-правовой системы. Так, имеются документы, в которых *dinc* (вече на средненижнегерманском языке) совершенно ясно отделяется от его участников, причём это наиболее «официальные» документы, с тенденцией к юридически чёткому языку. Свидетельства о том, что на вече составляли официальные документы и скрепляли их печатями, убедительно показывают, что такое собрание, не может считаться лишь сходкой «активно действовавшего населения». Принятие официальных документов на вече, его законодательная деятельность (что известно и по русским данным) – явное свидетельство «институционализации» веча. Наличие в распоряжении веча некоего аппарата, которым оно могло распоряжаться (приставов), пусть даже самого примитивного, также в достаточной степени свидетельствует в пользу того, что это был в то время уже политический институт. В контексте институционализации веча следует интерпретировать и появление в русских источниках XV в. «вечных», т.е. вечевых, дьяков. О том же говорит и установившийся *порядок созыва веча* – с помощью колокольного звона, причём для этого использовался специальный вечевой

(«вечный») колокол. Свидетельством институционализации веча как политического органа является и стабилизация *места проведения* вечевых собраний, наметившаяся уже в домонгольское время, – на Ярославовом дворе и в некоторых случаях на Софийской площади. Что касается *сроков* проведения веча, то тут можно согласиться с утвердившимся ещё в литературе второй половины XIX – начала XX вв. мнением об отсутствии их регламентации. Это подтверждается и данными немецких документов. И в документальных, и в нарративных источниках субъектом принятия решений является не само вече, а общность полноправных новгородцев – «Великий Новгород», выразителем воли которого были политические собрания – вече. Такое способ описания принятия решений характерен не только для Новгорода, но и для многих республик древности и Средневековья.

В **параграфе 2** затрагивается вопрос о «функциях» веча. В отношении того, чем именно могло заниматься вече, он был в целом удовлетворительно разрешён ещё русской наукой второй половины XIX – начала XX вв. Обращение к ганзейским источникам, однако, усложняет картину. Они приоткрывают завесу над рутинной деятельностью веча и ясно показывают, что на нём могли рассматриваться не только вопросы «высшей политики» или «высшего управления», но и решаться вопросы повседневного управления: разбираться торговые споры, вестись переговоры по поводу строительства дренажной трубы и т.д. Такой чрезвычайно разнородный круг вопросов, которые могли рассматриваться на вече, делает весьма проблематичной любую попытку их классификации, исходя из современных представлений о функциях политических институтов. Но дело не только в этом. Хотя в ряде случаев, видимо, обязательно требовалась формальная санкция веча, при решении конкретных вопросов оно, в принципе, могло быть функционально заменено. Таким образом, вече оказывается вполне легитимным политическим органом Новгородской республики, но не наделённым исключительными, эксклюзивными полномочиями. Никакого «разделения властей» в средневековом Новгороде не существовало, споры же о функциях веча исходят из этого принципа, при-

шедшего в политическую идеологию, а потом и практику только с эпохой Просвещения. Можно только очень приблизительно характеризовать сферы компетенции того или иного средневекового политического института и веча в частности, помня постоянно об известной условности подобных характеристик. Вече рассматривало те вопросы, которые интересовали широкие круги полноправных новгородцев, или решение которых без их участия было невозможно. «Институциональная» специфика новгородского веча может быть осмыслена только в контексте средневековых политико-правовых представлений, существенно отличавшихся от тех представлений о республиканских институтах, которые складываются в Европе в Новое время и господствуют и сейчас.

Два следующих параграфа (**параграф 3** и **параграф 4**) посвящены рассмотрению вопроса о составе новгородского веча. Выясняется, что реальная численность участников «стандартного» новгородского веча была, скорее всего, около тысячи человек, а то и меньшей. Участие жителей огромной Новгородской земли в этих вечевых собраниях полностью исключается. Сельские жители в Новгородском государстве фактически были *неполноправной* сословной группой. Носителем политической власти был именно город, а не «волостная община», что подтверждается как русскими, так и ганзейскими источниками. *Кончанский характер* веча – ещё одно свидетельство не только чисто городского состава новгородского веча, но и того, что этот состав определялся не случайными факторами (например, тем, что жители из отдалённых районов Новгородской земли не имели технической возможности добраться до места собрания), а фиксировался юридически. Новгородское вече – это собрание жителей концов, городских районов. Так было уже в первой трети XIII в., в домонгольское время, о чём говорилось выше, так оставалось и в XV в., но для этого времени есть более ясные документальные подтверждения.

Вече было собранием *взрослых мужчин*. По этому поводу в литературе сомнений в общем-то нет, однако необходимо сделать некоторые оговорки. Прямо в источниках о том, что в вече не могли участвовать *женщины и дети*, не говорится. Однако

«мужской» характер веча вытекает из того, что оно было собранием *вооружённых людей*. Как и ранее, не принимали участия в вече *холопы и смерды*, т.е. зависимое население.

В то же время, не подтверждаются представления об узком, чисто боярском составе веча. Вплоть до самого конца существования Новгородской республики, как и в более раннее время, принимать участие в вече могли все свободные горожане разного социального статуса. По мере усложнения в XIV–XV вв. новгородского социального пейзажа²⁰ появляются сведения об участии в вече различных слоёв городского населения: бояр, житых, купцов, чёрных людей.

Эти выводы вступают в противоречие с тезисом об отождествлении упомянутых в ганзейском документе 1331 г. «300 золотых поясов» с участниками веча. Этот документ подробно рассматривается в **параграфе 5**. В связи с его особым значением для задач исследования он полностью переведён со средне-нижненемецкого языка на русский; перевод помещён в приложении 2. Корректный перевод документа и его тщательный анализ убеждают в том, что «300 золотых поясов», дважды в нём упомянутые, не могли быть тождественны вечникам, а скорее всего, характеризовали либо всю новгородскую элиту в целом, либо какую-то её группу. Таким образом, ключевой аргумент в пользу узкобоярского состава веча оказывается недействительным.

В **параграфе 6** речь идёт об избрании в Новгороде должностных лиц. В Новгороде вече не только периодически изгоняло и приглашало князей, но избирало ещё и магистратов. Выборы, казалось бы, неизбежно предполагают разделение коллектива и легитимизацию таких понятий, как большинство и меньшинство. Между тем, ничего подобного в Новгороде не прослеживается даже в XIV–XV вв., когда происходит постепенная институционализация веча.

---

²⁰ См. об этом: *Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge 1963–1964. Sigmaringen, 1 (Vorträge und Forschungen. Bd. XI); Алексеев Ю.Г. «Чёрные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. 1979. [Т.] 103. С. 254–263.*

Здесь, однако, мы сталкиваемся с проблемой недостатка данных. Известен только порядок избрания архиепископов: сначала на вече выдвигались три кандидата, а затем один из них избирался с помощью жребия. По поводу избрания «светских» магистратов высказывались предположения о том, что оно осуществлялось также с помощью жребия или путём баллотировки с использованием избирательных бюллетеней. Анализ источников, в т.ч. тех, на базе которых строились указанные выше предположения, показал, что оба предложенных варианта, во-первых, не имеют оснований в источниках, во-вторых, что они непредставимы в тех реальных условиях, в которых функционировало новгородское вече. Единственный способ избрания, который был возможен тогда – это аккламация, или по-русски прославление. Это «прославление» не предусматривало голосования в каком бы то ни было виде: предлагалась кандидатура, и все её одобряли, «прославляли». Возможно, церемония сопровождалась криками типа «Ты – наш князь» (соответствующие примеры отмечены как в других русских землях, так и у западных славян и германцев). Этот способ принятия решений основывался на идее о единодушии вечевого коллектива, которая не предусматривала наличия легальной оппозиции. В реальности, разумеется, всеобщее одобрение предлагаемого решения имело место далеко не всегда. В случае если коллективному решению противостоял индивид, это приводило к его подавлению или удалению тем или иным способом из соответствующей общности. Если же такому решению противостояла значительная часть общности (в Новгороде, как правило, городской конец или коалиция концов), то возникало противостояние, иногда вооружённое, сопровождавшееся сепаратными вечевыми собраниями в разных местах и, в конце концов, – после трудных переговоров и поиска компромисса – примирением. В летописи оно обычно сопровождается фразами, типа «дьяволь попранъ, а братья вся въкупѣ быша». Единство коллектива тем самым восстанавливалось.

Параграф 7 посвящён исследованию проблемы так называемого совета господ – гипотетического новгородского органа власти, до сих пор представляющего собой загадку для исследователей.

дователей. Согласно наиболее распространённым взглядам, это был коллегиальный орган более узкого состава, чем вече. Между тем его соотношение с вечем неясно. Более того, не ясно даже по-настоящему, существовал ли такой орган вообще. Во многом это объясняется тем, что его упоминания содержатся только в ганзейских источниках и полностью отсутствуют в источниках русских. Тщательный анализ этих упоминаний приводит к следующим выводам.

Скептическая точка зрения на новгородский совет должна быть отвергнута. В то же время традиционные представления о нём, сложившиеся ещё в XIX – начале XX вв., должны быть существенно скорректированы. Первые более или менее ясные сведения о наличии в Новгороде совещательного органа, меньшего по составу, чем вече, и действовавшего на постоянной основе, относятся не к XIII, а к 30-м годам XIV в. Собственно «советом» этот орган в то время не назывался. Русское название его не известно, но ганзейцы называли его *de heren* – «господа» или *de heren van Naugarden* – «господа Великого Новгорода». В начале XV в. он состоял из посадника, тысяцкого и пяти кончанских старост. В 40-е гг. этого же столетия его состав был уже более широким и включал в себя не только степенных, но и других посадников и тысяцких (не известно, впрочем, всех ли), о чём могут свидетельствовать упоминания в документах 1448 и 1449 гг. посадников и тысяцких во множественном числе.

Тогда же немцы адресуют совету послания и применяют к нему в переписке термин совет (*rad*), что можно считать проявлением институционализации этого органа. Чётко определённой компетенции у новгородского совета, по-видимому, не было. Ясно, однако, что к нему обращались, когда какой-то вопрос не мог быть решён магистратами (например, тысяцким или посадником) по отдельности. В то же время сами «господа» ещё более высшей инстанцией считали вече и подчёркивали, что окончательное решение в спорных случаях должно принимать именно оно. Впрочем, здесь, как и в политической системе Новгорода в целом, не было юридической определённости. Магистраты могли апеллировать и непосредственно к вечу. В рас-

сказах об апелляциях немецких купцов к новгородским органам власти «господа» могли вообще не упоминаться.

Наименование «совет господ» является искусственным. Учитывая, что к этому органу постоянно прилагается средне-нижнегерманское обозначение *de heren* («господа»), можно думать, что, как и во Пскове, его называли «господой», с ударением на последнем слоге: древнерусское слово «господа» было собирательным существительным женского рода единственного числа. Это слово принадлежало к акцентной парадигме b^{21} , и произносилось оно должно было с ударением *на окончании*: «господá»²².

Доказательство наличия в средневековом Новгороде правительственного совета, предположительно носившего название «господб», важно и с общеисторической точки зрения. Его предполагаемое отсутствие часто служит аргументом для тех исследователей, которые склонны отрицать близость политических институтов Новгорода и западноевропейских городов-коммун. То обстоятельство, что совет в Новгороде всё-таки был – пусть он и весьма сильно отличался от городских советов его ганзейских партнёров – заставляет пересмотреть эти скептические оценки.

В главах VI и VII речь идёт о двух наиболее сложных и спорных конкретных проблемах, связанных с предполагаемыми функциями веча: проблемах веча и руководства со стороны веча так называемым народным ополчением. Они носят хронологически «сквозной» характер и решаются на основе как ранних, так и поздних данных.

В главе VI «Вечевые расправы и проблема веча» обосновывается необходимость отказа от представления о вечах как об особом юридическом институте, противостоящем суду княжескому. Рассматриваются следующие вопросы: реальна ли проблема веча, или она является лишь порождением историографических схем; возможно ли

²¹ Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 135.

²² См. также: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986 [Heidelberg, 1953. Bd. I]. Т. I. С. 445; Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1986. Вып. 7. С. 146.

пробиться к политико-правовой реальности древней Руси через литературные штампы и топосы нарративных источников; насколько адекватными или неадекватными данным источников оказываются популярные учёные мнения. Попытка ответа на эти вопросы осуществляется на основе, во-первых, рассмотрения данных не только нарративных, но и иных – документальных – источников; во-вторых, – изучения проблематики в широком историческом контексте. Проведённое исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Новгородские вечевые собрания активно применяли коллективные расправы с лицами, признанными ими преступниками. Эти собрания, однако, не восходили преемственно к какому-либо догосударственным («племенным») политическим институтам. Поэтому об *институциональной преемственности* говорить тут не приходится. Новгородские вечевые собрания не «выросли» из «племенных» собраний. Однако в самой сущности вечевых расправ как лишения правонарушителя юридической субъектности, удаления его из соответствующей политической общности, в процедуре, таких расправ, в характере веча как собрания, выразившего волю коллектива, – до некоторой степени сохранялись архаические традиции обычного права, уходящие своими корнями ещё в догосударственную эпоху. Сходство между архаическими карами и коллективными расправами в Новгороде, таким образом, – не *институциональное*, а *типологическое*, т.е. определённая схожесть ситуаций – в плане отсутствия твёрдой авторитарной власти с разветвлённым аппаратом принуждения – порождала в известной степени схожие формы правового регулирования.

Что касается так называемого вечевого суда, который часто рассматривался в историографии как одна из важнейших функций древнерусских «народных собраний», то тут правильнее говорить не собственно о суде, а о *вечевом правосудии*. Вечевого суда в строгом смысле слова, по-видимому, никогда не существовало, во всяком случае, в том смысле, в каком в древнерусских землях существовал княжеский суд, а в Новгороде суд посадника и тысяцкого. Тем не менее горожане, собравшиеся на вече, могли вершить расправу над преступниками или теми,

кто противодействовал их воле, в рамках архаической процедуры потока и разграбления. История вечевого правосудия была тесно связана, с одной стороны, с историей самого веча, с другой, – с эволюцией древнерусского права. Там, где вечевые собрания утратили своё значение, вечевое правосудие, которое и так не было в полной мере легитимным, было вытеснено «нормальным» княжеским судом. В средневековых же русских республиках вечевое правосудие сохранялось значительно дольше, практически вплоть до падения их независимости. Однако и там предпринимались небезуспешные попытки поставить под контроль властей и ограничить опасную и не всегда предсказуемую стихию вечевого правосудия. Главное значение тут имела «институционализация» органов власти и структур управления. Этот процесс шёл рука об руку с оформлением и разграничением разных видов наказания, их фиксации в памятниках права. Определённую роль тут могла сыграть и отрицательная позиция духовенства (или его влиятельной части).

В главе VII «Вече, «вои» и проблема народного ополчения» рассматривается новгородская военная организация и соотношение её с вечем, а также разбираются аргументы, высказывавшиеся в историографии в пользу так называемой теории «народного ополчения». Если оказывается, что в средневековом Новгороде, как предполагают сторонники этой теории, существовало «общинное», «общеволостное» ополчение, которым распоряжалось вече, это ставит под вопрос все сделанные выше выводы о чисто городском характере вечевых собраний и об отсутствии их институциональной преемственности от гипотетических собраний догосударственного времени. Обойти эту концепцию, критически анализируя «общинные» и «полисные» интерпретации новгородского веча, невозможно.

Тщательное изучение терминологии, всесторонний анализ упоминаний новгородской военной организации в источниках, привлечение сравнительно-исторических данных (особенно по типологически близким к Новгороду западнопоморским «городским республикам») приводят к заключениям, противоречащим указанной выше концепции. Выясняется, какими могли быть основные варианты и тенденции развития раннесредневе-

ковой военной организации у славян: в крупных городских центрах, обладавших автономией по отношению ко княжеской власти (каким был Новгород), её основу составляли городские полки, действовавшие в определённой мере самостоятельно; на остальной территории, в большей мере подвластной князю, – войско, складывавшееся из княжеской дружины, отрядов представителей местных элит («сильных, могущественных и богатых») и рядовых воинов, выполнявших «свои воинские обязанности». По мере усиления княжеской власти и подчинения ей автономных городов, второй вариант получал большее распространение, первый вариант тем самым возобладал и получил развитие на Северо-Западе Руси и, прежде всего, в Новгороде. Ни о каком всеобщем народном ополчении не может быть, таким образом, и речи даже применительно к архаическим славянским социумам, не говоря уже о значительно более развитой в социально-политическом и культурном отношениях Новгородской земле.

На страже интересов новгородского политического коллектива стоял городской полк, по существу представлявший собой вооружённых вечников. Говорить о том, что вече распоряжалось или руководило городским полком, не вполне корректно, так как «вои» по сути дела и были вооружёнными вечниками. «Народным ополчением» – гипотеза о существовании которого в древней Руси вообще не находит подтверждения – этот городской полк считать нельзя, так как подавляющее большинство жителей Новгородской земли – селяне – когда привлекались к участию в новгородском войске, играли в нём подчинённую роль. Они являлись на службу не добровольно, а мобилизовывались новгородским политическим коллективом, состоявшим исключительно из горожан во главе с боярами.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Изучение терминов и понятий, связанных с политической активностью новгородцев, показало, что отсутствие в источнике слова «вѣче» при описании коллективной политической активности не свидетельствует о том, что народное собрание в данном случае *не* подразумевается. В то же время его наличие является своеобразным маркёром, почти наверняка позволяю-

щим предполагать *политическое собрание горожан*. Выясняется при этом, что «вѣче» не было техническим термином, а политические собрания горожан в источниках, особенно нарративных, могли характеризоваться иначе, без использования этого слова.

История новгородского веча представляет собой непростую проблему. К сожалению, из-за того, что документальные источники, в которых упоминается вече, появляются довольно поздно, не все этапы его истории можно реконструировать полностью, но общая картина представляется ясной.

Ещё до возникновения Новгорода на современном месте восточнославянская общность словен устраивала свои собрания (не называвшиеся в источниках вечем), возможно, на территории, которая потом вошла в пределы города. Новгородское вече, однако, не имеет «институциональной» преемственности с этими словенскими собраниями, хотя определённые архаические традиции (как, например, вечевые расправы или способ принятия решений на основе «одиначества») оказали влияние на позднейшее городское вече.

В X–XI вв. новгородцы время от времени собирались на городские собрания, к этому же времени относится и первое прямое упоминание новгородского веча (1015 г.), однако, такие собрания, насколько можно судить, ещё в значительной степени контролировались князьями. Уже в этот период определяется главная социальная черта новгородского веча – участие в нём почти исключительно горожан.

В XII–XIII вв., особенно после событий 1130-х гг., вече становится важнейшей площадкой, ареной для реализации политической воли новгородских горожан. Определяется состав веча – вечниками являются свободные полноправные горожане мужского пола, входившие в кончанские и уличанские организации, разного социального статуса, при лидирующей роли знати – бояр. В то же время, судить на основании имеющихся летописных данных о степени «институционализации» веча в этот период достаточно сложно. Можно предполагать, однако, что к XIII в. вече уже приобрело черты высшего политического органа Новгорода.

В XIV–XV вв. вече уже несомненно является политическим институтом Новгородской республики и собранием её «политического народа» – полноправных жителей города Новгорода разного социального статуса, принадлежавших к кончанским организациям. Число потенциальных вечников составляло не менее нескольких тысяч человек, и это было явное меньшинство по сравнению со всем населением Новгородской земли. В системе новгородских органов власти вече занимало самое высокое место; формально его статус был выше, чем у другого новгородского коллегиального органа власти – «господ» – существование которого, вопреки высказывавшимся в историографии суждениям, подтверждается источниками. В то же время вече находилось в сложной системе взаимоотношений с другими политическими институтами, и в конкретной ситуации его наивысшие полномочия могли оказаться формальными, а важнейшие решения – быть принятыми в обход него.

На всём протяжении истории новгородского вече в его деятельности сохранялись архаические традиции. Наиболее ярким их проявлением было отсутствие сколько-нибудь чёткой сферы компетенции вече. Вече занималось теми вопросами, которые в данный момент интересовали горожан, и на которые они – в зависимости от соотношения различных политических сил – могли оказать влияние. Отсутствовал, вероятно, и чёткий регламент, не существовало понятия о кворуме и периодичности собраний. Другим примером может служить сохранявшийся способ принятия решений на основе «одиначества» и тесно связанный с этим метод разрешения противоречий: не через мирный политический процесс, а через вечевые конфликты и/или расправы.

Ещё одной формой реализации политической самостоятельности новгородцев было их участие в городском полку, который по своему составу фактически совпадал с вечем. Связь городского полка с вечем несомненна: в вече могли участвовать вооружённые новгородцы, а во время военных походов устраивались вечевые собрания. Романтическая концепция «народного ополчения», однако, не находит подтверждения в источниках: как и вече, городской полк состоял отнюдь не из всего на-

рода. Жители Новгородской земли участвовали в боевых действиях не добровольно, а принудительно мобилизовывались новгородским политическим коллективом во главе с боярами.

Не находят никакого подтверждения общинно-демократические или «полисные» интерпретации новгородского веча. Сельские жители не только не имели реальной возможности участвовать в политической жизни Новгорода, но, по-видимому, выступали в качестве подвластного населения по отношению к новгородским «городовым людям», ведущую роль среди которых играл, естественно, элитарный боярский слой. Это обстоятельство очевидным образом не оставляет места для интерпретации веча в качестве органа власти, типологически соответствующего народным собраниям античного времени. Соответственно Новгородскую «волость» нельзя рассматривать как гражданскую общину античного типа, как полис – во всяком случае, как то, что понимают под полисом сторонники отечественной «полисной» теории. Именно свободные полноправные горожане, члены кончанских и уличанских организаций, были, используя терминологию, уже давно применяющуюся к истории средневекового «протопарламентаризма» в славянских странах, новгородским «политическим народом», т.е. не населением вообще, а людьми, имевшими легитимное право на участие в политической жизни. Это право наиболее ярко проявлялось именно в участии в вече.

Новгородское вече испытало определённую историческую эволюцию. Основные её моменты – за недостатком источников – могут быть только намечены и вряд ли точно датированы, но совершенно очевидно, что вече XI в., с одной стороны, и вече XIV в., с другой – явления во многом различные. Отличаются они, прежде всего, не внешней формой (и то, и другое – собрания горожан) и даже не «функциями», а местом в политической системе, которое, в свою очередь, зависело от степени политической самостоятельности Новгорода и его взаимоотношений с князьями.

Если раннее вече – это от случая к случаю созываемое (часто по инициативе князя) собрание, то в XII–XIII вв. вече становится важнейшей формой проявления политической активно-

сти новгородцев, а в XIV–XV вв. приобретает черты республиканского политического института, важнейшего элемента новгородской политической системы. Однако и применительно к этому времени политическим институтом можно считать, скорее, не столько само вече, сколько *политический коллектив полноправных новгородцев*, который назывался в источниках «Великим Новгородом»; вече же было *формой* реализации политической воли этого коллектива. Именно поэтому в письменных источниках само слово «вече» могло не использоваться или заменяться другими словами или описательными конструкциями. Этот коллектив и был высшим органом власти Новгородской республики, вечевые же собрания были наиболее адекватным выразителем его полномочий. Когда вече не собиралось, такую роль играли другие правительственные институты и должностные лица: посадник, тысяцкий, «господа».

В то же время и в XV в. новгородское вече было мало похоже на новоевропейские представительные политические институты. Процесс превращения новгородского вече в «институт» был длительным и неоднозначным; начался он ещё до начала независимого существования Новгорода и не завершился окончательно ко времени утраты им независимости.

Приложение 1 «Новгородское вече и Новгородская республика» посвящено оценке того, что могут значить сделанные выводы для характеристики новгородского социально-политического строя в целом. Обосновывается тезис о том, что не стоит отказываться от определения Новгорода как средневековой республики, и приводятся доводы в пользу необходимости изучения его политической системы в широком сравнительно-историческом контексте.

В **приложении 2** приведён полный перевод (вместе с параллельным оригинальным текстом) ганзейского документа 1331 г. – послания немецких купцов в Новгороде Рижскому Совету о набеге русских на немецких купцов и о заключённом вскоре соглашении.

**Основные положения
и научные результаты диссертационного исследования
изложены в 46 публикациях объёмом 107, 36 а.л.**

Монография:

1. *Лукин П.В.* Новгородское вече. М.: «Индрик», 2014. 608 с. (38 а.л.).

Раздел в коллективной монографии:

2. *Лукин П.В.* Вече. Социальный состав // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33–147 (9,2 а.л.).

**Статьи в изданиях, включённых в Перечень
рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки РФ:**

3. *Лукин П.В.* «Народные собрания» у восточных и западных славян: возможности сравнительного анализа // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2004. № 3 (17). С. 5–11 (0,6 а.л.).
4. *Лукин П.В.* К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // *Древнейшие государства в Восточной Европе. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах.* 2003 год. М., 2005. С. 132–142 (0,8 а.л.).
5. *Лукин П.В.* Город и вече: социальный аспект (историографические заметки) // *Cahiers du Monde Russe.* Janvier-juin 2005. № 46 / 1–2. P. 157–166 (0,6 а.л.).
6. *Лукин П.В.* Упоминания веча/вечников в ранних славянских памятниках // *Отечественная история.* 2006. № 4. С. 40–46 (0,6 а.л.).
7. *Лукин П.В.* Праздник, пир и вече: К вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // *Одиссей: человек в истории.* 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 134–150 (1 а.л.).
8. *Лукин П.В.* О социальном составе новгородского веча XII–XIII вв. по летописным данным // *Древнейшие государства в Восточной Европе.* 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 164–209 (3,2 а.л.).

9. Лукин П.В. «Поточи Мьстиславъ Полотський князь». Об одной из форм наказания в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 20–35 (1,2 а.л.).
10. Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3–20 (1,9 а.л.).
11. Лукин П.В. «Варварская Европа» и современные проблемы изучения раннесредневековых славянских обществ. О новой книге Кароля Модзелевского (Modzelewski K. *Barbarzyńska Europa*. Warszawa: Wydawnictwo “Iskry”, 2004. 519 S.) // Славяноведение. 2008. № 2. С. 25–40 (1 а.л.).
12. Лукин П.В. Деконструкция деконструкции. О книге Т.Л. Вилкул по истории древнерусского веча // *Scrinium. Revue de patrologie, d’hagiographie critique et d’histoire ecclésiastique*. Т. 4. 2008. С. 403–434 (1,8 а.л.).
13. Лукин П.В. Древнерусский «поток и разграбление» в свете германских параллелей // *Одиссей: человек в истории*. 2008. М., 2009. С. 196–210 (1,1 а.л.).
14. Лукин А.В., Лукин П.В. Мифы о российской политической культуре и российской истории. Часть I // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 1. С. 56–70 (авторский текст: 0,5 а.л.).
15. Лукин А.В., Лукин П.В. Мифы о российской политической культуре и российской истории. Часть II // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 2. С. 147–162 (авторский текст: 0,5 а.л.).
16. Лукин П.В. Нужно ли нам «новаторство»? Об ответе Т.Л. Вилкул // *Scrinium*. 2009. *Revue de patrologie, d’hagiographie critique et d’histoire ecclésiastique*. Т. V. P. 495–511 (1,1 а.л.).
17. Лукин П.В., Стефанович П.С. Новый труд по истории древних славянских государств // *Славяноведение*. 2010. № 4. С. 67–79 (авторский текст: 0,6 а.л.).
18. Лукин П.В. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // *Славяноведение*. 2010. № 2. С. 12–30 (2 а.л.).
19. Лукин П.В. «300 золотых поясов» и вече. Немецкий документ 1331 года о политическом строе Великого Новгорода [с публикацией перевода документа] // *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. М., 2010. Вып. 71 (3–4). С. 266–291 (1,8 а.л.).
20. *Lukin P.V. Narration on the Varangian Martyrs in the Primary Chronicle and in the Synaxarion (Prologue) // Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History. Ars christiana.*

In memoriam Michail F. Murianov. 2011–2012. Vol. VII–VIII. T. VII. P. 259–306 (3,1 п.л.).

21. *Лукин П.В.* Существовал ли в средневековом Новгороде «Совет господ»? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 15–27 (1,3 а.л.).

22. *Лукин П.В.* Новгородское вече // Преподавание истории в школе. 2012. № 5. С. 10–15 (0,8 а.л.).

23. *Лукин П.В.* Языческая «реформа» Владимира Святославича в начальном летописании: устная традиция или литературные реминисценции? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 г. Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 326–352 (1,2 а.л.).

24. *Лукин П.В.* Существовала ли в домонгольской Руси смертная казнь? Учёные мнения и представления современников // Религии мира: История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 187–223 (2,1 а.л.).

25. *Лукин П.В.* Древнерусские понятия «горожанин», «гражанин», «гражданин» // Российская история. 2014. № 4. С. 140–146 (0,5 а.л.).

26. *Lukin P.V.* The Veche and the “Council of Lords” in Medieval Novgorod. Hanseatic and Russian Data // Russian History. 2014. № 41, 4. P. 458–503 (3,5 а.л.).

Другие научные публикации по теме диссертации:

27. *Лукин П.В.* Восточнославянские «племена» в русских летописях: историческая память и реальность // Образы прошлого. Коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 257–285 (1,8 а.л.).

28. *Лукин П.В.* Вече, «племенные собрания» и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 70–130 (3,5 а.л.).

29. *Bak J.M., Lukin P.V.* Consensus and Assemblies in Early Medieval Central and Eastern Europe // Political Assemblies in the Earlier Middle Ages / ed. by P.S. Barnwell and M. Mostert. York, 2004. P. 95–113 (авторский текст: 0,5 а.л.).

30. *Лукин П.В.* Древнерусские «вои». 9 – начало 12 вв. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 5–58 (4 а.л.).

31. *Лукин П.В.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время. // Неисчерпаемость ис-

точника. Сборник к 70-летию В.А.Кучкина. М., 2005. С. 36–83 (2,5 а.л.).

32. *Lukin A.V., Lukin P.V.* Myths about Russian Political Culture and the Study of Russian History // *Political Culture and Post-Communism / ed. by Stephen Whitefield.* Oxford, 2005. P. 15–41 (авторский текст: 0,6 а.л.).

33. *Лукин П.В., Стефанович П.С.* Рецензия на: Свердлов М.Б. «Домонгольская Русь» (Князь и княжеская власть на Руси VI – XIII вв.) СПб.: Академический проект, 2003. 736 с. Тир.1300 // *Средневековая Русь.* М., 2006. Вып. 6. С. 371–402 (авторский текст: 0,5 а.л.).

34. *Лукин П.В.* 'Ο τοῦτον ἀρχαιρεσιάσας λεῖδς. Собрание константинопольской «черни» в 1204 г. и представления о структуре общества в древнерусской «Повести о взятии Царьграда фрягами» // *Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б.Н. Флори.* М., 2008. С. 131–143 (0,9 п.л.).

35. *Лукин П.В.* Терминологический анализ: плюсы и минусы (По поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // *Средневековая Русь.* М., 2009. Вып. 8. С. 217–243 (1,2 а.л.).

36. *Лукин П.В.* Древнерусские политические институты в греческих и славянских средневековых источниках (понятия «вече» и «вечники» и их греческие аналоги) // *Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории. Материалы конференции.* Афины; М., 2008. С. 36–39 (0,3 а.л.).

37. *Лукин П.В.* Разрушение домов в средневековом Новгороде как правовая традиция // *Новгородика–2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции.* Великий Новгород, 2009. Ч. 1. С. 153–161 (0,26 а.л.).

38. *Лукин П.В.* Восточнославянские «племена» и их князья: конструирование истории в древней Руси // *Славяне и их соседи. XXV конференция. Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции.* М., 2010. С. 83–89 (0,5 а.л.).

39. *Лукин П.В.* Новгородская вольность. К вопросу об эволюции политического строя средневековой республики // *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто.* Москва, 19–21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., 2011. С. 173–180 (0,4 а.л.).

40. *Лукин П.В.* Существовало ли в древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // Средневековая Русь. М., 2010. Вып. 9. С. 47–98 (2,6 а.л.).
41. *Лукин П.В.* Принцип единодушия в представлениях и политической практике Древней Руси // Образы прошлого: Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 372–391 (1,2 а.л.).
42. *Лукин П.В.* Народные собрания и советы знати в средневековом Новгороде и в Западном Поморье // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 146–154. (0,4 а.л.).
43. *Лукин П.В.* Новгородское вече в XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: Материалы круглого стола (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) ([Res Publica]. Вып. 6). СПб., 2012. С. 10–60 (4,1 а.л.).
44. *Лукин П.В.* Новгородское вече: старые концепции и новые данные // Исторический вѣстникъ. 2012. Ноябрь. Т. I (148). Начало русской государственности. С. 98–119 (1,1 а.л.).
45. *Лукин П.В.* Новгородское вече в XIV–XV вв.: политический институт или неорганизованная толпа? // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 59–71 (1,1 а.л.).
46. *Лукин П.В.* Новгородский волхв и поморские жрецы // Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. Материалы конференции. М., 2014. С. 173–179 (0,4 а.л.).

Подписано в печать 23.12.2014. Формат 60x84/16.

Тираж 100 экз. Заказ № .

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19